

Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований

Право Политика Экономика Социология Современная история Международные отношения

Том 2, Выпуск 1, 1997

РОССИЙСКОЕ ВОЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ В ГРУЗИИ - ПОЗИЦИИ СТОРОН И ПЕРСПЕКТИВЫ

Давид Дарчиашвили*

Предисловие

Проблема российского военного присутствия в Грузии на нынешнем этапе интересна как сама по себе, так и для анализа внешней политики и политики безопасности современной России. Данный вопрос проливает свет и на суть грузинской государственности за последние шесть лет ее существования. В положении российских войск в Грузии, а также в подходах к их присутствию со стороны как России, так и грузинского правительства видна динамика развития обоих государств, их политических приоритетов, их отношения друг к другу. Это помогает понять противоречивую картину формирования представлений о государственных интересах и национальной безопасности у политических элит обоих государств.

До распада СССР в Грузии находились части и соединения Закавказского Военного Округа (ЗакВО),

19-й армии противовоздушной обороны и 34-й воздушной армии Советских Вооруженных Сил. Здесь же имелись пограничные войска, корабли Черноморского флота, подразделения внутренних войск и отдельные армейские части центрального, московского подчинения. В Грузии находились главные штабы данных войск, в Грузии было больше танков и боевой авиации, чем в соседней Армении. Здесь располагались 3 ракетных бригады, имевших на вооружении ядерные боеголовки. По некоторым оценкам, к концу советского периода на территории Грузии находилось около 100 000 советских солдат и офицеров(1). Можно утверждать, что в то время группировка советских войск в Грузии представляла собой основное ядро сил, нацеленных на южный фланг НАТО.

Но с распадом СССР закончилась эпоха явного противостояния Востока и Запада. Для бывших советских войск настала пора адаптации к новым политическим реалиям и поиска новой миссии, структур, нового хозяина. Эти проблемы особенно остро встали перед теми соединениями, которые вдруг оказались за пределами границ России - основной правопреемницы СССР.

На рубеже 1991-1992 гг. бывшие советские войска в Грузии переживали время переподчинения новым политическим структурам. Идея общих вооруженных сил Содружества Независимых Государств, создание которого в декабре 1991 года и предопределило конец Советского Союза, оказалась мертворожденной. Указ Бориса Ельцина от 7 мая 1992 года возвестил о создании российских вооруженных сил. Расположенные в Грузии части бывшего ЗакВО и других советских военных структур становились российскими войсками. В январе 1993 года было объявлено о создании Группы Российских Войск в Закавказье (ГРВЗ), которая

включила почти все бывшие советские силы, находящиеся в Грузии(2). Вне рамок ГРВЗ оставались пограничники, превратившиеся вскоре в группу пограничных войск “Грузия”, а также расположенные в бывшей Юго-Осетинской автономной области миротворцы и переведенный летом 1992 года из Азербайджана в Абхазскую Автономную Республику 345-й воздушно-десантный полк.

До сегодняшнего дня в данной структуре ничего не изменилось - если не считать появления в 1994 году в Абхазии миротворцев СНГ, которые представлены исключительно российскими войсками. Но за прошедшее время менялась численность войск, и что еще важнее, менялось отношение к ним как в Грузии, так и в российских политических кругах. Менялась и их деятельность. Данные изменения исходили из динамики российско-грузинских взаимоотношений, но и сами влияли на последнюю.

Забегая вперед, можно отметить четыре стадии вопроса о российском военном присутствии в Грузии и российско-грузинских взаимоотношениях в военной области.

- За 1990-1991 гг. с грузинской стороны преобладал радикальный подход, не лишенный наивности, с российской - недопонимание изменяющейся реальности. Военный вопрос был болезненным. Отчужденность сторон доходила до грани враждебности.

- С 1992 года по первую половину 1993 года - это время начала двусторонних государственных взаимоотношений. Вопрос российского военного присутствия стал предметом официальных переговоров. В то же время отношения оставались холодными. Грузино-абхазская война накладывала на процесс негативный отпечаток.

- Конец 1993 - 1995 гг. - время интенсификации грузино-российского военного сотрудничества. Казалось, что стороны, так или иначе, приходят к решению вопроса о военном присутствии.

- С 1996 года начинается новый этап похолодания в российско-грузинских взаимоотношениях. Он отразился и на области военного сотрудничества, которое стало одной из основных причин разногласий.

Нужно подчеркнуть, что на всех этапах наблюдались события, которые противоречили вышеописанной основной логике того или иного этапа. Это еще раз свидетельствует, что основная черта российско-грузинских взаимоотношений в военной области - неопределенность, нерешительность, недоверчивость.

Национальное движение и советские войска в Грузии

Оставляя в стороне спор, являлся ли Советский Союз лишь видоизмененной российской империей, можно с известной долей уверенности начать современную историю российско-грузинских военных взаимоотношений с 1990 года. Тогда Москва еще была столицей СССР, но в Грузии к власти пришло национальное движение, которое не хотело иметь ничего общего с ней и видело в советских войсках российских оккупантов.

Этому способствовали логика и цели грузинского национального движения, для которого Москва была поработителем Грузии а советские войска - главным инструментом московского колониализма. Ситуация усугублялась тем, что 9 апреля 1989 года советские десантники разогнали многотысячный антисоветский митинг в Тбилиси. Погибло более 20 человек.

Одним из первых законодательных актов первого посткоммунистического руководства Грузии, которое пришло к власти после выборов 28 октября 1990 года, был запрет на призыв грузинской молодежи в советскую армию(3). Осенью 1991 года, к концу своего короткого правления, тогдашний президент Грузии Звиад Гамсахурдиа официально придал советским войскам, находящимся на грузинской территории, статус оккупационных сил(4). Такие решения исходили из курса на государственную независимость и представления, что присутствие советских войск несовместимо с идеей независимости.

Реакция советского правительства могла быть только негативной. Его озлобление особенно явно выявилось во время короткого путча в августе 1991 г., когда созданный для спасения СССР Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) потребовал от Тбилиси роспуска новорожденной Национальной Гвардии и префектур - местных органов власти(5). Враждебность к грузинскому националистическому правительству высказывали и советские военные, находящиеся в Грузии. По свидетельству самих же российских военных, настрой среди данных войск был антигамсахурдиевский(6). Позже, в декабре 1991 г. они предоставили помощь выступившему против Гамсахурдиа руководителю Национальной Гвардии Тенгизу Китовани(7).

Хотя в отношениях между официальным Тбилиси и советскими войсками были и противоречащие общему контексту моменты, Гамсахурдиа был непрочь воспользоваться советскими войсками в своих целях. Восемнадцатого февраля 1991 года солдаты советской армии силой заняли базу оппозиционной режиму Гамсахурдиа военизированной организации “Мхедриони” (8). До этого, в январе 1991 года, Верховный Совет Грузинской Республики официально

поручил внутренним войскам СССР находиться и действовать в Юго-Осетинской Автономной Области(9). В августе 1991 года Гамсахурдиа проявил податливость московскому ГКЧП и понизил статус своей гвардии до уровня особого подразделения министерства внутренних дел.

Гамсахурдиа декларативно отказывался от любого альянса в рамках СССР, или созданного в декабре 1992 года СНГ. Но в том же декабре, на фоне внутренних неурядиц и вооруженного мятежа начал подумывать о присоединении к СНГ и о возможностях получения военной помощи от Закавказья против своих вооруженных оппонентов(10). Но само антигамсахурдиевское вооруженное выступление, которое закончилось поражением президента, показывает что на этом этапе между Тбилиси и Москвой превалировало взаимное непонимание. По крайней мере, советские военные, ставшие теперь российскими, предпочли помочь не официальному грузинскому правительству, а мятежным грузинским гвардейцам(11).

Россия-Грузия: стадия “развода”

Второй этап отношений между Москвой и Тбилиси в военной области начался с 1992 года. Почвой для потепления послужили свержение Гамсахурдиа и развал СССР. Создалась предпосылка для установления двусторонних государственных взаимоотношений между Россией и Грузией, что, в свою очередь, влияло на процесс урегулирования военных вопросов. Начались переговоры на официальном уровне.

Поначалу все шло более или менее гладко. Новое грузинское руководство, во главе которого с весны 1992 года встал бывший первый секретарь Коммунистической Партии Грузии и министр

иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе, отменило решение о присвоении бывшим советским войскам статуса оккупационных сил. Грузия присоединилась к Ташкентскому договору мая 1992 года о разделе квот обычных вооружений в Европе, которая причиталась Советскому Союзу. 24 июня на встрече Эдуарда Шеварднадзе и Бориса Ельцина было решено вверить России миротворческую миссию в бывшей Юго-Осетинской автономии. В июне - августе российские войска передали крупную партию вооружений Грузии - от бывшей ахалцихской мотострелковой дивизии Советской Армии Грузия получила 109 танков т-55, 164 бронемашины, 76 артиллерийских систем. К этому времени Грузии досталось 29 самолетов СУ-15(12). Но начавшаяся в августе 1992 года грузино-абхазская война выявила, что в российско-грузинских отношениях до взаимопонимания было далеко.

Хотя проблемы были и раньше, еще до начала боевых действий в Абхазии, в Грузии участились нападения на российские военные объекты и на военнослужащих. Если в 1991 году было всего 78 таких нападений, то в 1992 году их число увеличилось до 268(13). Так, например, весной 1992 года грузинские гвардейцы напали на автоколонну российских военных, которые вывозили оружие в Армению(14). У них были отняты две артиллерийские установки "Град" (15). Нельзя утверждать, что такие действия направлялись грузинским правительством. Причина скорее в полной анархии, последовавшей как за свержением режима Гамсахурдиа, так и за упразднением ЗакВО. Часто такие нападения были подстроены, чтобы закамуфлировать факты незаконной торговли оружием российскими офицерами(16).

И все таки, российские военные относились к новой грузинской власти настороженно. Несмотря на отмену Грузией оккупационного статуса российских войск,

слишком многие грузинские политики продолжали требовать их полного ухода из страны. Сам Шеварднадзе никогда не высказывался определенно, но тот факт, что Грузия не входила в СНГ, не располагал как военных, так и политиков России к тесному сотрудничеству с грузинскими партнерами. К тому же, в новой грузинской власти большую роль играло полувоенное формирование “Мхедриони”, с которым у российских военных были проблемы еще с советских времен. “Мы не могли доверять Джабе Иоселиани (лидер Мхедриони)”, - вспоминали 1992 год российские военные(17).

То, что Грузия получила из наследства ЗакВо, далеко не покрывало квоты обычных вооружений, причитавшихся ей по Ташкентскому соглашению. К тому же, техника была устаревшей и нуждалась в ремонте. Соседним Армении и Азербайджану досталось лучшее вооружение(18). Официальные переговоры, как о широкомасштабном договоре, так и о чисто военных вопросах (в том числе и о российском военном присутствии), затягивались на неопределенное время.

Вступление грузинских вооруженных отрядов на территорию Абхазии, власти которой не скрывали желания отделиться от Грузии и интегрироваться в СНГ, обернулось войной. В нее оказались втянутыми и российские военно-политические круги. Перед войной и на ее начальной стадии были свидетельства о российской военной помощи грузинской армии(19). Но спустя короткое время русское оружие (в том числе и боевые самолеты) появились на абхазской стороне. Грузинские официальные круги не раз заявляли, что многие операции абхазов планировались офицерами Генштаба российской армии(20), что в рядах абхазских отрядов было много граждан России, в том числе и кадровых военных. Факт, что за годы войны симпатии российских военных и политиков к Абхазии нарастали и

за ними стояла реальная помощь, не отрицается как независимыми экспертами, так и некоторыми представителями официальной Москвы(21). Россия официально была нейтральной. Иногда действия ее офицеров могли иметь частный, несанкционированный характер. Но российско-грузинские взаимоотношения от этого мало выигрывали. Обострился вопрос российского военного присутствия в Грузии.

Кроме того, что участились нападения на российские военные объекты, усилились и требования об их полном упразднении. На парламентской сессии 25 февраля 1993 года Шеварднадзе согласился с тем, что российские части должны быть выведены с территории Абхазии. В затянувшихся российско-грузинских переговорах в делегацию Грузии был включен оппозиционер Нодар Натадзе - сторонник скорейшего ухода российских войск из страны. Глава грузинского государства издал указ о выработке графика вывода ГРВЗ(22), но окончательных решений Грузия не принимала и ее делегация этот вопрос категорически не ставила. Позиция России по вопросу о военной политике (в том числе и присутствии) в Грузии также страдала неопределенностью. За 1992 год Россия вывела не только из Грузии но и из всего Закавказья большую часть бывшего ЗакВО. По некоторым сведениям, к середине 1993 года на грузинской территории в рядах преемника ЗакВо - в ГРВЗ насчитывалось всего 6000 военнослужащих. Руководство ГРВЗ в то время не исключало и полного ухода из Грузии(23).

Вряд ли можно сказать, что сокращение ГРВЗ было следствием требований Грузии. Как было сказано выше, Грузия однозначных требований не предъявляла. К тому же, из Абхазии Россией не было выведено ни одного подразделения, несмотря на то, что именно в данном конкретном вопросе грузинская позиция была наиболее категоричной. Причина сокращения российского

военного присутствия скорее во внутрироссийских делах, в неопределенности ее внешнеполитических и военных приоритетов, занятости ее политиков внутренней борьбой за власть.

На рубеже 1992-1993 годов российские власти склоняются к идее сохранения особого влияния на территории бывшего Советского Союза. Такая цель все более олицетворялась в военном присутствии. Подробности грузино-российских переговоров не известны, но можно предположить, что в середине 1993 года российская сторона окончательно решила сохранить ГРВЗ в Грузии и поставила об этом в известность своих грузинских партнеров: в мае Шеварднадзе встретился с Ельциным. Было принято Коммюнике, в котором отмечалось, что “стороны обратили особое внимание на статус российских войск в Грузии” (24). Вскоре в Тбилиси приехал министр иностранных дел России Козырев. После этих встреч Шеварднадзе заявил, что если Грузия хочет, чтобы Россия не играла негативную роль в Абхазских событиях - нужно учитывать ее интересы(25). Из дальнейших событий видно, что в первую очередь имелось в виду сохранение в Грузии ГРВЗ.

Данное высказывание грузинского лидера свидетельствовало и о том, что, находясь в состоянии войны, испытывая внутривнутриполитические затруднения и российское давление(26), Тбилиси начинал подумывать об извлечении какой-то пользы из российского военного присутствия. Степень компромисса с Россией еще предстояло определить, но одно становилось ясным - с лета 1993 года стадия российско-грузинского “развода” завершалась.

На пути российско-грузинского военного союза

Осенью 1993 года события начали развиваться молниеносно - не давая грузинской стороне времени на выбор оптимального варианта компромисса: грузинские войска в Абхазии были разбиты, а в западной Грузии начались вооруженные выступления сторонников изгнанного президента Гамсахурдиа. В октябре Шеварднадзе открыто попросил военной помощи у России, которую еще в сентябре обвинил в оккупации Абхазии, добавляя, что он больше не станет перед ней на колени. Восемнадцатого октября глава грузинского государства заявил, что ведет переговоры с Россией о совместной остановке “интервенции” (27).

Русские действительно помогли, и Тбилиси был спасен от наступления сторонников Гамсахурдиа(28). Со своей стороны, Шеварднадзе объявил о вступлении Грузии в СНГ и о подписании договора о статусе российских войск в Грузии. С конца 1993 по 1995 годы Россия и Грузия подписали немало, в том числе и военных, соглашений. Грузия также присоединилась к ряду коллективных документов в рамках СНГ, которые имели военное значение. Их анализ свидетельствует, что отношения России и Грузии в военной области приобретали черты стратегического партнерства, в котором последняя играла роль младшего партнера, “опекаемого” северным соседом.

В договоре 1993 года о статусе российских войск еще сохранились отголоски дебатов о выводе ГРВЗ из Грузии. Хотя ничего конкретного не было сказано: договор оговаривал условия нахождения российских войск на грузинской территории до 1995 года, отмечая автоматическое продление данных условий на три года. Этот документ разрешал российским войскам пользоваться недвижимым имуществом на безвозмездной основе(29). Ничего не было сказано об ограничении численности ГРВЗ. Российские войска имели право пользоваться совместно с грузинской

армией значительной частью военной инфраструктуры страны(30).

Единственные органы контроля ГРВЗ со стороны Грузии, предусмотренные по договору - это смешанная комиссия по определению ущерба, причиненного той или иной стороне, уполномоченный по делам пребывания и вывода ГРВЗ, чьи функции подлежали дополнительному определению, смешанная комиссия по толкованию договора и подкомиссия по разделу имущества(31). (Для сравнения можно отметить, что по договору об оборонном и экономическом сотрудничестве Греции и США, к каждой американской базе прикрепляется старший греческий офицер, имеющий доступ ко всему, кроме национальных криптографических комнат(32)).

3 февраля 1994 года было заключено отдельное соглашение о пограничных войсках России, находящихся в Грузии. Данное соглашение предусматривало нахождение среди российских пограничников представителей аналогичных служб Грузии(33). Было сказано и то, что российские пограничники, которые располагались на границе с Турцией, свою деятельность осуществляли при общем руководстве грузинского министерства иностранных дел(34). Но руководство грузинского МИД-а это никак не конкретизировало, так же как и сроки нахождения российских пограничников в Грузии. Зато отдельным протоколом Грузия обязалась покрывать часть расходов данных войск.

Следующий этап военных договоров настал в 1995 году. В марте был парафирован, а в сентябре подписан Эдуардом Шеварднадзе договор о российских базах в Грузии. Основной новостью было то, что по договору определялись структура, расположение и сроки пребывания ГРВЗ в Грузии. Касательно сроков

грузинская сторона предлагала договор на 15 лет, но Россия настояла на 25-летних временных рамках, с правом их автоматического продления на 5-летние периоды, если одна из сторон не потребует его прекращения минимум за 2 года до истечения очередного периода(35). Этот договор фактически поставил точку в вопросе о “планомерном выходе” ГРВЗ из Грузии, что также фигурировало в договоре 1993 года.

В договоре о базах есть и моменты, более конкретно определяющие обязанности ГРВЗ. Например, сказано, что численность ГРВЗ подлежит определению, и от российских военных в Грузии требовалось свидетельство об их принадлежности или какому-либо отношению к базам. Но новые сроки и непонятная практика неадекватности двух версий договора - парафированного и впоследствии подписанного, также как и характер совершенных в нем изменений, говорят о том, что, в первую очередь, Россия ставила целью усиление своего военного присутствия. Так, например, если в парафированном тексте говорится о четырех базах, то в конечном варианте, после перечисления баз, есть слово “и других” (36). В приложении к основному тексту появились упоминания о новых воинских частях в городах Сенаки, Телави, Ахалкалаки(37).

Из коллективных документов, подписанных Грузией в рамках СНГ, Концепция коллективной безопасности провозглашала существование общих военно-политических интересов содружества. Грузия соглашалась с ее положением о том, что увеличение на внешних границах СНГ войск других государств несет потенциальную угрозу. Концепция провозглашала курс на создание коалиционных войск и единой противовоздушной обороны(38). Грузия подписала соглашение о создании объединенной системы противовоздушной обороны СНГ. Руководство общей

системой ПВО вверялось командующему российскими войсками ПВО(39). Как известно, в рамках данного соглашения, грузинские офицеры ПВО в основном проходят тренировку о раннем оповещении на московском командном пункте(40).

Данные договора, а кроме того, подписанный в феврале 1994 года рамочный договор о дружбе и добрососедстве, подразумевали российскую помощь в строительстве грузинской армии. В 1994 году грузинская армия получила 31 танк т-72, несколько новых артсистем(41). В российские военные училища было отправлено 50 грузинских офицеров. Было проведено несколько совместных штабных учений. За 1994-1995 годы грузинские власти не раз высказывали приверженность к союзу с Россией, заявляя что без ее помощи Грузия не сможет решить свои военно-политические проблемы. Пророссийские настроения стали особенно превалировать в руководстве силовыми ведомствами. В это время министром обороны Грузии стал генерал российской армии, заместитель командующего ГРВЗ Вардико Надибаидзе. Министерством государственной безопасности руководил Игорь Гиоргадзе, который также имел тесные контакты с московскими коллегами и расположенными в Грузии российскими военными и разведывательными службами(42). Надибаидзе особенно открыто поддерживал идею превращения СНГ в военный блок.

Но помощь оказалась меньших размеров, чем того желало и ожидало грузинское правительство. По Ташкентскому соглашению 1992 года грузинская квота на обычные вооружения была определена в 220 танков, 285 артсистем, 100 боевых самолетов и т.д. (43) Но к началу 1996 года у Грузии было не более 70 танков и всего несколько исправных самолетов. Естественно, что Грузия ожидала от России помощи в реализации квот. Россия же, со своей стороны, пожелала, чтобы Грузия

передала ГРВЗ часть причитавшейся ей квоты. Не останавливаясь на деталях переговоров по разделу, а также реальному заполнению грузинской квоты, можно констатировать, что окончательного соглашения достигнуто не было(44).

Соглашению по квотам мешали и другие военно-политические проблемы. Особое место среди них занимал вопрос об урегулировании абхазского конфликта. На фоне пассивности ООН и настойчивости России, в апреле-мае 1994 г. конфликтующие стороны согласились на миротворческую операцию в рамках СНГ. Миротворцами оказались около 3000 российских солдат и офицеров, часть которых служила в ГРВЗ и в расположенном в Абхазии 345-м полку. Грузинские власти полагали, что, как согласие на одностороннюю российскую миссию, так и заключение вышеназванных военных договоров поможет им в деле возвращения Абхазии. Об этом прямо заявлял министр обороны Грузии(45). Чуть позже, на вопрос корреспондента будет ли ГРВЗ платить арендную плату за базы, Шеварднадзе ответил, что возврат Абхазии никакими деньгами не оценить(46). Отсюда видно, что одним из основных мотивов российско-грузинского военного сотрудничества с грузинской стороны была надежда на восстановление территориальной целостности страны.

Но прогресса в разрешении грузино-абхазского конфликта не наблюдалось, и к концу года грузинская сторона подготовила проект нового мандата миротворческих сил, требуя задействования в операции всей ГРВЗ, разоружения абхазских формирований и установления по всей бывшей автономной республике временной военной власти в виде комендатуры(47). На саммите СНГ проект принят не был. Можно согласиться, что требования грузинской стороны мало соответствовали международной практике миротворчества. Но ввиду многих примеров, когда

российские войска не пренебрегали силовыми мерами, а также на фоне косвенных обещаний российских политиков и веры в их “всесилие”, грузинская сторона начинала считать себя обманутой(48).

В начале 1996 года Грузия сделала еще один союзнический жест в сторону России - был ратифицирован договор о дружбе и добрососедстве. Но данный шаг как бы выпадал из изменившегося контекста и тем самым еще более подчеркивал конец стадии “сердечного союзничества”. На слушаниях договора грузинские парламентарии подчеркивали, что ратификация напоминает партнеру о невыполненных обязательствах и призывает к ответным шагам. С весны 1996 года разговор между Россией и Грузией все более принимал характер взаимных упреков.

Россия придерживалась курса на сохранение и упрочение своего военного присутствия в Грузии. Для этого она использовала меры давления, убеждения и обещания разных выгод. Грузия соглашалась на российские предложения и шла на компромиссы. Российское военное присутствие, подписанные в военной области договоры оценивались грузинской стороной двояко: как известная выгода, но в то же время, как вынужденный компромисс. Об этом свидетельствовала приписка грузинской стороны к парафированному министерствами обороны договору о российских военных базах: Грузия подчеркивала, что договор будет задействован лишь после восстановления территориальной целостности - возвращения Абхазии(49).

Россия увеличила свой военный контингент в Грузии. По разным оценкам в 1995 году он достиг 20-25 тысяч человек. Российские миротворцы контролировали зоны конфликтов как в Абхазии, так и в Грузии. Но в других аспектах военного сотрудничества прогресс был

небольшой. Помощь в военном строительстве грузинской армии оставалась незначительной. Обоюдная затычка с ратификацией военных договоров свидетельствовала о взаимном недоверии.

Стадия отчуждения?

Как было сказано, подозрительность присутствовала в российско-грузинских взаимоотношениях в 1993-1995 годах: слишком большой была цена сближения, чтобы отношения эти становились гладкими. Но в 1996-1997 годах недомолвки переросли в открытые трения. С грузинской стороны недовольство, в основном, высказывалось по поводу действий российских пограничников и “бездействия” миротворцев. Трения завязывались на абхазской проблеме и переносились на более обширную проблему российского военного присутствия. Так, например, в апреле 1996 года руководитель пограничных войск Грузии заявил, что его российские коллеги имеют незаконные контакты с абхазскими сепаратистами, а также без ведома Грузии открыли пост на ее границе с Чечней(50).

По поводу ареста в Батуми украинского судна российскими пограничниками командующий пограничными войсками Грузии, а также представители парламентского Комитета обороны и безопасности и грузинского МИД-а устроили пресс-конференцию, на которой было заявлено, что действия российской стороны ущемляют суверенитет Грузии и хуже этого может быть только война(51). Грузинская сторона начала заявлять, что нахождение российских пограничников в грузинских портах не предусмотрено никакими соглашениями. В октябре 1996 года Шеварднадзе издал указ о подготовке контролирования морских границ собственными силами(52).

Критика российской миротворческой миссии в Абхазии с весны 1996 года впервые приняла официально-открытый характер. 17 апреля 1996 года парламент Грузии принял резолюцию, требуя активизации российских миротворцев в деле возвращения беженцев-грузин в Абхазию. В резолюции также прозвучали обвинения российских военных в контрабанде(53). Третьего апреля 1997 года грузинский парламент определил абхазскую проблему как “непреодоленный результат аннексии Грузии Советской Россией в 1921 году” (54). Тридцатого мая новой резолюцией парламент счел нецелесообразным продолжение российской миротворческой миссии в зоне грузино-абхазского конфликта(55).

Как было сказано, трения возникали и по поводу грузино-российского военного сотрудничества, и по поводу российского военного присутствия.

Комментируя такое развитие событий, Шеварднадзе заявил, что российско-грузинское сотрудничество не должно ограничиваться вопросом военных баз, а должно проявляться и в помощи со стороны России в восстановлении территориального единства Грузии(56). С 1996 года грузинские официальные круги стали заявлять о требовании своей доли Черноморского военного флота и денежной компенсации за нахождение в Грузии ГРВЗ(57). 29 мая 1997 года Шеварднадзе подчеркнул на пресс-конференции, что Грузия не ратифицирует военные договора, если Россия не поможет Грузии в абхазском вопросе.

Параллельно в грузинской внешней политике усилились тенденции поисков новых, а точнее, альтернативных партнеров по безопасности. В феврале 1997 года Шеварднадзе посетил Киев и Баку. Оценивая данные визиты, он подчеркивал стратегический характер отношений с Украиной и Азербайджаном. С начала 1996 года Грузия усилила ставку на внутрикавказский

диалог. В 1997 году участились официальные контакты с Чечней. А во время визита в Грузию генерального секретаря НАТО Хавиера Солана, министр иностранных дел Грузии заявил, что внешнеполитический приоритет Грузии - интеграция в европейские структуры(58). В абхазском вопросе Грузия вновь начала требовать расширения формата переговоров и подключения к ним других стран - членов Совета Безопасности ООН. Грузинская сторона поставила вопрос об интернационализации миротворческой миссии.

Все вышеописанные шаги имеют логику отдаления от курса на особые отношения с Россией в области безопасности. Если в 1994 году побывавший в США Шеварднадзе заявил, что он не просил о военной помощи, так как строительство грузинских войск есть сфера российской деятельности(59), то в июле 1997 года, во время второго визита Президента Грузии в Вашингтон, в официальных сводках подчеркивались факты ведения переговоров и по военным вопросам(60). В официальных кругах Грузии начинают говорить о смене ее стратегического курса(61). В российских военно-политических кругах данное развитие событий оценивается адекватно. Об изменении грузинских стратегических ориентиров командующий российскими пограничными войсками заговорил еще в августе 1996 года(62).

В русле усиливающейся отчужденности осуществлялись и некоторые ответные действия России. По заявлению пресс-секретаря президента России, Грузия не имеет права требовать часть Черноморского флота, так как она его уже получила. То же самое заявил приехавший в июле 1997 года в Грузию секретарь Совета обороны России Батулин, указав, что доставшийся грузинской стороне потийский военный порт с лихвой покрывает ее требования(63). В

июне 1997 года Государственная Дума Российской Федерации вновь отказалась ратифицировать российско-грузинский договор о дружбе и добрососедстве.

Надо отметить, что страсти подогреваются конкуренцией из-за транспортировки бакинской нефти. 9 октября 1995 года созданный для разработки азербайджанских нефтерождений международный консорциум принял решение о строительстве параллельных нефтепроводов из Баку: через российский Северный Кавказ и через Грузию(64). В грузинских политических кругах в транспортировке нефти, в которой заинтересован международный капитал, видят гарант против нэоимпериалистических сил России(65). В последнее время Грузия все более надеется, что основной веткой транспортировки станет именно ее вариант. 14 июля 1997 года в подписанной грузинским и турецким президентами Декларации о сотрудничестве сказано, что Баку-Джейханское направление нефтепровода, легко используемое технически, имеет и стратегическое преимущество(66). В России на проблему нефтепровода и на грузино-турецкие контакты смотрят с подозрением, и в свете конкуренции за влияние в регионе и за доходные статьи местной экономики(67).

К 1996 году численность ГРВЗ начала сокращаться и по некоторым данным она насчитывает не более 8500 человек. Сократился и миротворческий контингент. Но вышеописанные трения и свидетельства корректировки грузинской внешней и военной политики пока не позволяют делать окончательного вывода о расторжении намеченных с 1993 года российско-грузинских особых взаимоотношений. Сокращение ГРВЗ или миротворческого контингента также неправильно было бы оценивать как отказ России от своей доли влияния на Грузию. Во всех

вышеперечисленных официальных резолюциях грузинской стороны присутствует выражение “если”, оставляющее место для компромисса.

После завершения очередного срока российской миротворческой миссии Грузия не потребовала ее прекращения. Совет безопасности Грузии решил не продлевать мандат миротворческих сил, но и не требовать его прекращения - ссылаясь на то, что, согласно советам представителей ООН и западных стран, немедленный вывод российских миротворцев может вызвать осложнения(68). Шеварднадзе вновь называет Россию стратегическим союзником(69), а после его встречи с секретарем Совета Безопасности Батуриным, последний заявил, что сохранение российских баз в Грузии входит в интересы обеих стран(70). Президент Грузии положительно оценил инициативу Бориса Ельцина о встрече в Москве Эдуарда Шеварднадзе и абхазского лидера Владислава Ардзинба.

Все это говорит о том, что требования об интернационализации в разрешении грузино-абхазского конфликта и разговоры о возможном свертывании российско-грузинского военного сотрудничества отнюдь не категоричны и не окончательны. Министром обороны Грузии до сих пор остается известный своими пророссийскими взглядами Надибаидзе, который, несмотря на вышеописанные трения, осенью 1996 года заключил со своим российским коллегой соглашение о военно-техническом сотрудничестве(71). Что касается частичного сокращения ГРВЗ, то, по словам председателя парламентского Комитета по обороне и безопасности Грузии, это связано с финансовыми трудностями российского оборонного ведомства(72).

Таким образом, на нынешнем этапе российско-грузинских военных связей прослеживаются трения на

фоне свертывания этих взаимоотношений. Но до окончательных решений далеко и процесс продолжает иметь противоречивый характер. Отношения сторон к теме военного сотрудничества вновь лишены однозначности. Вся юридическая база военного сотрудничества, которая выработана на сегодняшний день, не отвергнута, но и не ратифицирована. Предсказание дальнейшего хода событий усложняется почти перманентными колебаниями в российско-грузинских отношениях. И все-таки, анализ описанных событий подводит к определенным выводам.

Смысл и перспективы российско-грузинского военного сотрудничества

После описания и анализа разных стадий российско-грузинских взаимоотношений, можно ответить на вопрос, каков их основной смысл, и в чем, в частности, суть российского военного присутствия, а также представить перспективы. Что касается грузинской позиции, ответ вытекает из вышеописанного: на данном этапе ГРВЗ и другие российские войска в глазах грузинских политиков все больше приобретают свою старую черту - вынужденной, навязанной реальности. Отчасти можно согласиться с мнением, что с самого начала “российское присутствие в Грузии защищает Тбилиси от... самой России. Ситуация сравнима с мафией, которая предлагает владельцу магазина защищать его от любой агрессии, “возможной в том опасном мире, в котором мы живем”. Нет необходимости объяснять кто в действительности мог бы нанести вред владельцу магазина” (73).

В 1993-1995 годах Грузия ждала от России более позитивной помощи, в том числе оружием и финансами. Но надежды оказались преувеличенными, а относительная стабилизация и учащение контактов с

Западом еще более усилили вышеописанное негативное восприятие российского военного присутствия.

Остается ответить, каковы истинные цели российского военного присутствия в Грузии и насколько правы те, кто видит в них, по крайней мере, вынужденное зло.

Ответ на данный вопрос можно получить как из российских политических документов, так и из высказываний российских политиков, аналитиков и военных.

В Указе “*Российский стратегический курс к странам СНГ*” президент России объявил внешнеполитическими приоритетами защиту экономических и оборонных интересов России в границах сообщества. Там же говорится о важности защиты русскоязычного населения в данных странах(74). Бывший министр обороны России Павел Грачев в свое время ясно выразил мысль о том, что Россия имеет к грузинскому черноморскому побережью стратегический интерес(75). Еще более откровенным был бывший председатель Совета Федерации Шумейко, по мнению которого наличие российских баз в Грузии говорит о том, что Россия застолбила этот участок(76).

Не только обычное российское военное присутствие, но и миротворческая миссия многими оценивается как способ обеспечения российского влияния в определенных регионах. Частая предвзятость российских миротворцев к той или иной стороне конфликтов известна и по боснийскому опыту(77). В военных кругах России считают, что за миротворческой миссией может стоять и такой интерес, как обеспечение доступа к морю(78). Все великие державы или пост-колониальные государства в различных частях света имеют свои собственные стратегические интересы, и стараются использовать военное присутствие как средство их защиты. Постоянные военные базы являются наиболее подходящим способом охраны таких

интересов. Что касается миротворческих сил, то в принципе они служат иным целям. Различие между этими двумя формами военного присутствия можно увидеть в правилах ООН, которые подчеркивают беспристрастность и международный состав миротворческих миссий. Непостоянность является другой характеристикой миротворческих операций, отличающихся от обычного военного присутствия. Очевидно, что российская военная политика с трудом допускает эти различия.

В специальной литературе отмечается не только практическая разница между российским миротворчеством и международным опытом в данной области, но и смысловое несоответствие между английским словом “peacekeeping” и русским “миротворчество”. Указывается, что это последнее содержит элемент принуждения(79). В данной связи можно вспомнить, что еще в начале XIX века российский император, получивший прозвище “миротворец” объяснял военное присутствие в Грузии желанием “покоя и безопасности” для местного населения(80). Тогдашний курс России был известен как империалистический. Сходство терминологии той эпохи с языком современных российских политиков также наводит на мысль о неизменности военно-политического курса Москвы.

По свидетельствам представителей российских военных кругов, ГРВЗ служит геополитическим интересам России, а цель российской помощи грузинской армии - привязывание грузинских военных морально и материально к своему северному партнеру(81).

Говоря о перспективах российско-грузинского военного сотрудничества, становится ясным, что российское понимание его целей не способствует позитивному развитию событий и увеличивает недоверие с

грузинской стороны. Недоверие усиливается и вышеописанной фрустрацией грузинских правящих кругов из-за незначительности российской помощи в важных для Грузии вопросах. Но главное, что наводит на мысль о бесперспективности российско-грузинского военного альянса - это состояние самой ГРВЗ, ослабление финансовых возможностей России для обеспечения влияния в регионе и усиление экономической и политической тяги Грузии к Западу.

Мы уже говорили об этом последнем факторе, который связан с взаимной заинтересованностью Запада и Грузии в транспортировке бакинской нефти и развитии транспортных магистралей в регионе.

Что касается состояния ГРВЗ и российских финансовых возможностей в деле обеспечения российско-грузинского военного сотрудничества, об этом говорят следующие факты: ГРВЗ испытывает перманентную нехватку кадров и в нем высок процент дезертирства; данные явления вызваны низкой оплатой и плохими жилищными условиями военнослужащих(82); в ГРВЗ высок процент местных уроженцев; по некоторым сведениям от 60 до 90 процентов личного состава Батумской и Ахалкалакской баз - грузины и армяне(83). Вряд ли можно считать такой состав войск оптимальным для защиты российских интересов. Техническое состояние вооружения ГРВЗ также оставляет желать лучшего(84). Возможности финансового обеспечения российской военной политики в Грузии просматриваются как в вынужденном сокращении численности ГРВЗ, так и в требовании от грузинских офицеров, обучающихся в российских училищах, платы за учебу, в результате чего многие из них вынуждены оставлять эти училища(85).

Не отказываясь от традиционного курса на сохранение

протектората над территорией бывшего СССР, в то же время российские политики проявляют нарастающую прагматичность, когда дело касается финансового обеспечения данной политики. История российско-грузинского военного сотрудничества - лишний тому пример. Это позволяет предположить, что рано или поздно в российской политике утвердится понимание ущербности ставки на силу.

Есть три варианта будущей эволюции российско-грузинских взаимоотношений: а) Россия уменьшает свою вовлеченность в грузинские дела; б) Россия помогает Грузии возвратить Абхазию и построить национальную армию, которая будет способствовать укреплению грузинской государственности; в) Россия использует сохраняющееся влияние на грузинские силовые структуры и на этнические меньшинства в Грузии, и путем давления на Тбилиси оставляет Грузию в своем политическом фарватере. Все три варианта говорят о бесперспективности российско-грузинского военного альянса. Снижение уровня военного сотрудничества было бы частью первого сценария. Во втором случае усиление грузинской государственности лишит Россию рычагов влияния на Тбилиси (в виде той же Абхазии), а растущая тяга к Западу вряд ли будет способствовать добровольному согласию Грузии на альянс с северным соседом, в отношениях с которым накопилась критическая масса недоверия. Третий вариант реален и отчасти действует. Но сомнительна его продолжительность на фоне сокращения возможностей откровенно силовых действий в современном мире и особенно - без соответствующего финансового обеспечения.

Исходя из сказанного, можно заключить, что нормализация российско-грузинских отношений имеет перспективу только лишь на основе равных и взаимовыгодных взаимоотношений. Что касается

военного альянса, то в дальнейшей перспективе он вряд ли возможен. Объективные интересы Грузии противоречат односторонней пророссийской политике. Вышеописанные стадии российско-грузинских военных контактов говорят об их перманентном колебании и незаконченности. Россия стоит перед выбором между прагматизмом, диктующим отказ от борьбы за одностороннее влияние в регионе, и традиционализмом, исходящим из инерции имперского прошлого. Грузия же, у которой высвечивается новая функция в условиях меняющегося мирового порядка - не может мгновенно порвать с советским колониальным прошлым. Эти факторы могут влиять еще какое-то время, но реальность требует выбора, который все менее будет зависеть от ностальгии одних и от страха других. В который раз мировая политика меняет облик - заканчивается эпоха “российского Закавказья”.

Примечания:

- **Давид Дарчиашвили** - Директор Центра исследований военно-гражданских отношений и проблем безопасности, Кавказский институт (Тбилиси). Электронная почта: <cipdd@access.sanet.ge>.
1. Данные из *Georgian Military Chronicle*. Occasional Paper, CIPDD, Vol. 2, No 2, April 1995; А также интервью с главным редактором газеты *Закавказские военные ведомости* А.И. Дергилевым, с Руководителем Пресс-центра Внутренних войск Грузии И.Аладашвили, с бывшим Премьер-министром Грузии Т.Сигуа.
 2. Интервью с главным редактором *Закавказских Военных Ведомостей* А.И.Дергилевым., 9 января

1996 г.

3. Закон о действии на территории Грузинской Республики закона СССР об обязательной военной службе. *Ведомости Верховного Совета Республики Грузия.*, ноябрь 1990 г., с.40.
4. Интервью с бывшим Председателем Верховного Совета Грузии А.Асатиани, 18 марта 1996 г.
5. *Дро*, No 3, январь 1997 г. Воспоминания бывшего Премьер-министра Республики Грузия Т.Сигуа, интервью с бывшим Председателем Верховного Совета Грузии А.Асатиани., 18 марта 1996 г.
6. Интервью с военным атташе Российской Федерации в Грузии В.Л.Голубем., 11 ноября 1995 г.
7. Правда, помощь была неофициальной, но довольно ощутимой. Китовани получал от Закавказского военного округа боеприпасы. (Интервью со многими участниками боев между сторонниками Гамсахурдиа и Китовани).
8. Сам факт не отрицался ни одной из сторон. Лидер “Мхедриони” Джаба Иоселиани утверждал, что Гамсахурдиа сам натравил ЗакВо на него, уверив советских военных, что “Мхедрионовцы” ограбили артиллерийское училище советской армии в Тбилиси. (David Darchiashvili., *Patriotic Organization “Warriors of Georgia”*., SIPDD, 1995.
9. Интервью с бывшим депутатом Верховного Совета, членом подкоммиссии по обороне М.Макашвили., 5 января 1996 г.
10. Olga Vasilieva., *The Foreign Policy Orientation of Georgia.*, SWP-AP 2968., July 1996., p.18.
11. Эти гвардейцы представляли собой ядро офицеров Грузинской Национальной Гвардии, которые поддерживали своего главнокомандующего Китовани против президента Гамсахурдиа в сентябре 1991 - январе 1992 гг.. Китовани был отстранен, но около 300 гвардейцев, в основном офицеры, последовали за ним во время мятежа

против Гамсахурдиа. Эти 300 гвардейцев, ветераны Грузинской Национальной Гвардии, считали себя представителями всего офицерского корпуса Гвардии, за исключением Зугдидского батальона, который оставался лояльным президенту. В этот турбулентный период солдаты Национальной Гвардии были отправлены по домам.

12. *Georgian Military Chronicle*, Vol. 1, No 1, November 1994.
13. Интервью с руководителем пресс-службы ГРВЗ Г.В.Долгачевым., 19 января 1996 г.
14. Упомянутые выше гвардейцы были вовлечены в такие действия, но затем были подчинены Государственному Совету, возглавляемому Шеварднадзе. Их состав был пополнен добровольцами и небольшим числом призывников. Но это подчинение Государственному Совету было довольно формальным. Каждое формирование действовало в соответствии со своим собственным желанием или по приказу определенных харизматических военных лидеров. В некоторых случаях отдельные солдаты или офицеры действовали самовольно: они могли присоединиться или покинуть формирование тогда, когда этого хотели. Грузинская Национальная Гвардия (переименованная позже в Корпус Быстрого Реагирования Министерства Обороны) в действительности являлась народным ополчением, хотя она никогда и не рассматривалась в качестве таковой, с очень низким уровнем дисциплины. Кроме Национальной Гвардии/Корпуса Быстрого Реагирования, Грузия насчитывала также и другие военные формирования, с различными степенями независимости от властей, такими, например, как хорошо известный Мхедриони (Всадник), который участвовал в действиях против российских военных подразделений.

15. Интервью с руководителем пресс-центра внутренних войск Грузии И.Аладашвили., 6 марта 1996 г.
16. Там же.
17. Интервью с российским военным атташе в Грузии В.Н. Голубем., 11 ноября 1996 г.
18. *Georgian Military Chronicle*, Vol. 1, No 1, 1994
19. Как было сказано, Грузия получила от бывшего ЗакаВО первую крупную партию оружия как раз накануне Абхазской операции. По свидетельствам некоторых грузинских солдат и офицеров, русские способствовали подготовке десантной операции грузинских отрядов на северном побережье Абхазии.
20. См., к примеру, интервью с президентом Грузии Э. Шеварднадзе., *Сакартвелос Республика*, No 141, 20 июня 1997 г.
21. См. Charles H. Fairbanks., *A Tired Anarchy.*, *National Interest.*, Spring 1995; а также выступление бывшего Председателя Совета Федерации России Шумейко (НТ Сегодня., Репортаж Зараельяна 21 декабря 1994 г.)
22. *Сакартвелос Республика*, No 85, 27 апреля 1993 г.
23. М.Мирзиашвили, дополнение к *Georgian Chronicle.*, Кавказский Институт, июнь 1993 г. О радикальном сокращении российских войск в Грузии в 1992-1993 гг. свидетельствует факт, что в ахалкалакской дивизии за неимением солдат в караул заступали офицеры (газ. *Закавказские военные ведомости*, No 141, 26 июля 1995 г.)
24. *Сакартвелос Республика*, No 100, 15 мая 1993 г.
25. *Сакартвелос Республика*, 27 июля 1993 г. То, что абхазские события все более принимали вид российского давления на Грузию путем помощи абхазским сепсессионистам, отмечалось и иностранными исследователями (см. *A Tired Anarchy.*, *National Interest.*, Spring 1995), а также и

абхазской стороной: лидер абхазов В.Ардзинба позднее заявлял, что Россия использовала грузино-абхазский конфликт для возврата Грузии под свое влияние (*Georgian Chronicle.*, Vol., 4, No 8, p.7, 1995).

26. Как пишет Х.Тиммерман, Россия целенаправленно осуществляет давление на определенные республики, чтобы добиться их большей сговорчивости (Х. Тиммерман. Внешняя политика России: Поиски новой идентичности., *Мировая Экономика и Международные отношения*, No 2, 1994).
27. *Сакартвелос Республика*, No 227, 19 октября 1993 г. Официальный Тбилиси окрестил наступление сторонников экспрезидента “интервенцией”, в которой якобы участвовали северокавказские боевики.
28. Несмотря на заявление министра обороны России, что “Грузия независимая страна” и Россия не может участвовать в текущей там гражданской войне (газ. *Сакартвелос Республика*, No 229 21 октября 1993), российские войска взяли под охрану основные магистрали в западной Грузии. А по многим свидетельствам очевидцев, российские танки приняли участие в контрнаступлении войск официального Тбилиси против вооруженной оппозиции. Официальный орган ГРВЗ *Закавказские военные ведомости* также описывает столкновение российских военных с “бандой”. Столкновение произошло во время и в зоне гражданской войны (*Закавказские военные ведомости*, No 200, 29 октября 1994).
29. *Договор между Республикой Грузия и Российской Федерацией о статусе воинских формирований РФ, временно находящихся на территории Республики Грузия.*, Москва., октябрь 1993, с.14-15.
30. Там же, с. 15.

31. Там же, статьи 26я, 27я, 31я и 32. с. 21-24.
32. См.: Base Agreement between Greece and USA in Simon Duke., *United States Military Forces and Installations in Europe.*, Oxford University Press, SIPRI 1989, p.169.
33. В соответствии с соглашением, грузинские пограничники были представлены в аппарате представителей российских границ (параграф 9); Российская и грузинская стороны назначают постоянных представителей, имеющих дело с проблемами, связанными с функционированием российских границ в Грузии. Грузинский представитель направляет связных офицеров в российские подразделения (параграф 31). Не ясно, представляют ли эти грузинские офицеры грузинских пограничников или нет. Необходимо отметить, что в это время грузинские пограничники принадлежали МО. Сейчас они являются отдельным подразделением.
34. Соглашение между Республикой Грузия и Российской Федерацией о статусе и функционировании пограничных войск Российской Федерации в Республике Грузия, стр.4, стр.10.
35. Договор между Республикой Грузия и Российской Федерацией о российских военных базах на территории Республики Грузия, статья 40, с.24.
36. Статья 2, с.3.
37. Данное приложение не публиковалось. Информация взята методом конфиденциальных интервью. Данное приложение служит определению общей численности ГРВЗ.
38. *Содружество, Информационный бюллетень*, No 1 (18), 1995 г. с.47-51.
39. Там же с.34-35.
40. *Military Chronicle.*, Vol. 2, No 6, October 1995.
41. Интервью с представителями МО Грузии, январь-февраль 1996 г.

42. Еще в 1996 году в грузинских военно-политических кругах бытовало мнение, что, по неписанным правилам, руководство ГРВЗ курирует силовые структуры Грузии, и что на вышеназванных кандидатурах министров настояла Москва. По многим свидетельствам рабочий день министра обороны Грузии до последнего времени начинался с визита в штаб ГРВЗ. Касательно бывшего шефа грузинской госбезопасности можно утверждать, что он создавал свои спецподразделения при активном участии российских коллег (*Закавказские Военные Ведомости*, No 152, 15 августа 1995). О тесных отношениях Гиоргадзе и руководства ГРВЗ говорят факты хранения его личных автомашин на российской базе. По многим свидетельствам, обвиненный в покушении на Шеварднадзе 29 августа 1995 года, Гиоргадзе улетел в Москву именно с российского военного аэродрома (*Georgian Chronicle*, Vol. 2, No 8, December 1995).
43. Протокол “О максимальных уровнях для наличия обычных вооружений”, с.1.
44. В приложении No 2 договора о базах Грузия, в принципе, соглашалась на временный отказ в пользу ГРВЗ от 115 танков, 160 бронетранспортеров и 170 артсистем, но со сноской, что “конкретные цифры подлежат согласованию”. К тому же Грузия требовала, чтобы Россия позаботилась о передаче ей остальной части своей квоты. (Информация, полученная от грузинских военных и политических кругов).
45. Информационное агенство *BGI*, 23 ноября 1994 г.
46. Интервью по грузинскому ТВ 23 марта 1995 г.
47. *Georgian Military Chronicle*, January-February 1996 , Vol 3, No 9., p.1.
48. В 1995 году российское военное руководство не раз заявляло о начале массового возвращения грузинских беженцев в Абхазию. Во время

подписания договора о военных базах шел разговор о скором открытии железной дороги через Абхазию. Вышеуказанные высказывания министра обороны и президента Грузии также свидетельствуют о наличии обещаний с российской стороны, что, в ответ на узаконение российских баз, Грузия восстановит свою территориальную целостность.

49. *Иберия Спектри*, 28 марта 1995 г.

50. Интервью по грузинскому телевидению с командующим пограничными войсками Грузии В.Чхеидзе, 10 апреля 1996 г.

51. Грузинская ТВ программа *Мацне*, 15 декабря 1996 г.

52. *Резонанси*, 28 октября 1996 г.

53. *Сакартвелос Республика*, 20 апреля 1996 г.

54. На фоне продолжавшихся акций протестов грузин-беженцев Парламент принял подготовленную оппозицией “Концепцию стабильности общественной жизни, укрепления государственного суверенитета и безопасности, и восстановления территориальной целостности”. Вышеназванное определение было представлено в данном документе. Хотя документ был принят за основу определения государственного курса и не публиковался.

55. *Ахали Таоба*, No 147, 31 мая 1997 г.

56. *Сакартвелос Республика*, No 80, 8 апреля 1997 г.

57. *Foreign Broadcast Informational Service*, SOV 96-046, pp. 53-54.

58. *Сакартвелос Республика*, No 34, 12 февраля 1997 г.

59. Интервью с Шеварднадзе по грузинскому радио, 14 марта 1994 г.

60. *Сакартвелос Республика*, No 166, 18 июля 1997 г.

61. *Резонанси*, No 178, 2 июля 1997 г.

62. *Ахали Таоба*, 15 августа 1996 г.

63. *Ахали Таоба*, No 179, 3 июля 1997 г.

64. *CIS and Middle East. A Monthly Summary and News Analyses of the CIS Press*, Vol., XX, No 10-11, 1995,

р.6.

65. *Developing the National Security Concept for Georgia*, p.55, CIPDD, 1996.
66. *Сакартвелос Республика*, No 152, 16 июля 1997 г.
67. Olga Vasilieva, *The Foreign Policy Orientation of Georgia*, SWP-AP 2968, July 1996.
68. *Сакартвелос Республика*, No 184, 2 августа 1997 г.
69. *Сакартвелос Республика*, 21 февраля 1997 г.
70. *Сакартвелос Республика*, No 152, 3 июля 1997 г.
71. *Резонанси*, No 179, 3 июля 1997 г.
72. *Army and Society in Georgia*, Vol.4, No 4, p.3, November 1996.
73. Patrick Zoll, *Russian Military Presence in Transcaucasus: Defence, Diplomacy, Imperializm. Research Essey*, HEI License, April 1997, p.10.
74. *Закавказские Военные Ведомости*, No 191, 5 октября 1995 г.
75. Jonathan Aves, *Georgia: From Chaos to Stability?*, RIIA, 1996, p.28.
76. *Закавказские Военные Ведомости*, No 136, 19 июля 1995 г.
77. Albert Wohlstetter & Gregory S. Jones, 'Peacekeepers that Keep War Going' in *European Studies*, TICA, Summer 1995, Vol. 12, No 2.
78. Gail W. Lapidus and Renee De Nevers (eds.). *Nationalism, Ethnic Identity and Conflict Management in Russia Today*, CISAC, Stanford University, 1995, p.9.
79. Roy Allison, 'Peacekeeping in the Soviet Successor States' in *Chaillot papers* 18, November 1994, p.2.
80. *Рескрипт Александра Первого*, 19 апреля 1801 г., АКАК, т.1, Тифлис, 1866 г., с.419.
81. Интервью с главным редактором *Закавказских военных ведомостей* Дергилевым, январь 1996 г.
82. Интервью с главным редактором *Закавказских Военных Ведомостей* Дергилевым, январь 1996 г.;

См. также *Закавказские Военные Ведомости*, No 136, 19 июля 1995 г.; No 143, 28 августа 1995 г.

83. Интервью с Дергилевым.

84. *Military Chronicle*, Vol. 2, No 2, April 1995.

85. Интервью с представителями МО Грузии, Декабрь 1996 г. (Заметим кстати, что США и Турция предлагают обучать грузинских юношей в своих военных училищах бесплатно).

◀ [Содержание](#)

[Следующая статья](#) ▶